

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ТЕКСТ ИЛИ ВЕЩЬ?

К сожалению, этнографы практически не воспринимают раскрытие понятия «этнографические источники» как особую проблему, довольствуясь остенсивным определением отдельных видов этнографических источников, перечисление которых совпадает с общепринятым представлением о морфологии традиционной культуры: жилище, обряды, верования, системы родства и т. п. Как утверждается, опираясь на *разнообразные* источники, этнография изучает «историческую действительность» (т. е. те самые «источники». — П. Б.) [Этнография 1982 : 26—29]. Такое отождествление понятия «этнографические источники» и понятия «явления / элементы культуры» сопряжено с эволюционистским методом «пережитков», в основе которого лежит представление о том, что современная культура содержит в себе информацию о ее прошлом, первобытном состоянии в форме «следов» или «осколков».

Выше мы уже говорили, что метод «пережитков» на самом деле является частным случаем построения контрфактических предложений и при всех его недостатках не ставит этнографию в положение более низкое, чем, скажем, нарративную историю или даже так называемые точные науки. В данном случае речь идет о том, что чрезмерное увлечение методом «пережитков» в определенных условиях провоцирует упомянутое отождествление понятий «этнографический источник» и «явление культуры», которое является, пожалуй, одним из самых сильных заблуждений этнографии. Под определенными условиями»

следует понимать ту форму «историзма», которая была присуща марксистской науке: этнография — историческая наука, история основывается на изучении исторических источников, следовательно, этнография должна основываться на изучении этнографических источников. Таким образом, именно метод «пережитков» делает явления культуры «этнографическими источниками».

О соотношении понятий «явление» и «текст» культуры

Единственной попыткой в рамках этнографии отойти от заблуждения, связанного с отождествлением понятия этнографических источников с этнографической реальностью, можно считать известную статью А. К. Байбурина «Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (к проблеме этнографического факта)». Понятие «этнографического факта» он вводит посредством понятия «этнографический текст», ставя первое в отношение ко второму как «часть» к «целому» [Байбурин 1982 : 10]. В качестве спецификации обоих понятий используется понятие «этнографичности». «Мы вкладываем в данный термин, — пишет Байбурин, — некоторое содержание, но его невозможно обнаружить даже в специальных работах, посвященных истолкованию этнографических понятий» [Байбурин 1982 : 8]. Согласно его собственной весьма расплывчатой формулировке, этнографичность — определяющее свойство этнографического факта и этнографического текста, которое только и позволяет им быть таковыми [Байбурин 1982 : 8, 9]. «Этнографичность» — жаргонное словечко, значение которого в профессиональной этнографической среде сближается с понятием традиционной культуры как предмета исследования этнографии, а зачастую заменяет его. Можно спорить о словах: «народная», «традиционно-бытовая» культура, «этнический» слой культуры, но смысл остается примерно один и тот же [см.: Бромлей 1973 : 206—210]. Несмотря на явную готовность преодолевать инертность этнографического образа мышления, А. К. Байбурин приходит к положению, имплицитно принимаемому всеми этнографами: «этнографичность — это прежде всего соответствие представлениям исследователя о том, какие явления в *наибольшей степени* инфор-